

УДК 303.34

**ВОЗМОЖНОСТИ И ОГРАНИЧЕНИЯ КАЧЕСТВЕННОЙ
СТРАТЕГИИ СРАВНЕНИЯ
(НА МАТЕРИАЛЕ СРАВНИТЕЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ
РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ПЕРЕСТРОЙКИ
В РОССИЙСКИХ УЧЕБНИКАХ ИСТОРИИ)**

© 2014 г.

Н.Д. Трегубова,¹ А.И. Горылев,² С.В. Курбатов³

¹ Санкт-Петербургский госуниверситет

² Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

³ Национальная академия педагогических наук Украины, Киев

natalya.tr@mail.ru

Поступила в редакцию 02.05.2014

Даны результаты сравнительного исследования, посвященного репрезентации перестройки в российских учебниках истории. Определяются три дискурса о периоде перестройки. План исследования и его результаты рассматриваются в рамках различия между качественной (ориентированной на кейсы) и количественной (ориентированной на переменные) стратегиями сравнения. На основании материалов исследования выделяются возможности и ограничения качественной стратегии.

Ключевые слова: сравнительная социология, сравнительное исследование, качественная (ориентированная на кейсы) стратегия сравнения, учебники истории, формирование наций, постсоветское пространство, «принцип домино», «национальное пробуждение», «феодалный макиавеллизм», перестройка.

Введение

В современной сравнительной социологии выделяются две принципиально различные стратегии сравнительного исследования: ориентированная на переменные (variable-oriented), или количественная, стратегия и ориентированная на кейсы (case-oriented), или качественная, стратегия. Их логика соотносится с качественной и количественной методологией в социальных науках [1]. Качественная стратегия начинает с общей постановки проблемы, затем переходит к исследованию кейсов, и только после этого исследователь формулирует исследовательский вопрос и делает выводы. Количественная стратегия, напротив, исходит из конкретного исследовательского вопроса, который определяет гипотезу о связях между абстрактными переменными и характер генеральной совокупности; затем гипотеза проверяется для каждого случая и формулируются выводы.

Обе стратегии имеют преимущества и недостатки, вокруг которых идут дебаты. Сторонники стратегии, ориентированной на переменные [2; 3; 4], указывают на то, что при сравнении кейсов затруднительно использование статистических техник, гарантирующих валидность исследования, а теория часто заменяется повествованием (narration) о кейсах. Сторонники ориентированной на кейсы стратегии [5; 6; 7] заявляют о необходимости более гибких стан-

дартов научной работы, которые предполагали бы включение в исследование исторических нарративов и создание теории в ходе исследования, а также критикуют оппонентов за игнорирование уникальных особенностей кейсов.

Эта дискуссия затрагивает общие методологические проблемы сравнительной социологии, которые сводятся к нескольким дилеммам: абстрактные переменные или особые исторические траектории, проверка гипотезы или ее создание, статистические или логические методы Милля и др. [8]. Усилия обеих сторон направлены на поиск более мощной аргументации и на усовершенствование методологии исследования. В настоящее время общепризнанным является тот факт, что каждая из стратегий обладает специфическими возможностями и ограничениями, и они могут дополнять друг друга при решении конкретных исследовательских задач [1; 7].

В настоящей работе будут представлены результаты исследования преимуществ и недостатков качественной стратегии сравнения, проведенного авторами в 2012–2013 гг. на материале репрезентации перестройки в российских учебниках истории.

Методология исследования

Российские учебники по истории, повествующие о периоде перестройки, издавались в раз-

ное время, в разных регионах и для разной целевой аудитории. Их число и разнообразие не позволяют в точности реконструировать генеральную совокупность, а анализ всех учебников представляется тем более невозможным. По этой причине в исследовании была использована целевая выборка, структурированная по следующим критериям, основанным на исходных предположениях исследовательского коллектива.

1. Учебник рассчитан на школьников или на студентов? В первом случае можно ожидать более единообразное и упрощенное изложение материала, чем во втором.

2. Имеет ли учебник статус «рекомендован» или «допущен»? (статус присваивается Министерством образования и науки РФ; этот критерий касается только школьных учебников). Здесь также можно предположить, что рекомендованные учебники излагают материал более единообразно, нежели допущенные.

3. В каком регионе издан учебник? (данный критерий касается университетских учебников, так как школьные учебники издаются централизованно). Можно ожидать, что в разных регионах характеристика перестройки и позднесоветской истории в целом будет различаться.

4. Что является предметом учебника? Здесь нас интересуют возможные различия между общероссийской историей и историей отдельных регионов.

На основании четырех критериев были выбраны 22 учебника, так что выборка отражает разнообразие учебников по каждому из критериев (табл. 1).

В целевую выборку входит восемь региональных учебников, изданных в Башкортостане, Татарстане, Чечне, Иркутской и Ростовской областях. Два последних региона являются переходными между федеральным центром и «альтернативными центрами»: Ростов-на-Дону – административный центр Южного федерального округа, Иркутск – один из крупнейших городов Восточной Сибири.

Башкортостан, Татарстан и Чечня могут быть названы «альтернативными центрами» – по двум причинам. Во-первых, в составе СССР они были автономными республиками (Чечня – как часть Чечено-Ингушской Автономной Социалистической Республики), в настоящее время это субъекты РФ, имеющие статус республики. Во-вторых, Чечня и Татарстан – регионы России, которые оказались наиболее восприимчивы к идее «национального возрождения»: В 1992 г. они отказались подписать Федеративный договор; в 1990-е гг. Татарстан

вел напряженные переговоры с Центром, а Чечня была вовлечена в череду военных конфликтов (так называемые Чеченские войны). Башкортостан же сначала, в 1990 г., объявил о суверенитете, позже, в 1992 г., подписал Федеративный договор.

Для анализа учебников была выбрана методология исследования смешанного типа (mixed methods research) с сильной качественной составляющей: дискурс-анализ учебников, дополненный качественно-количественным контент-анализом.

Дискурс-анализ учебников направлен на реконструкцию «скрытой» логики исторического повествования и «движущих сил» истории. В соответствии с классификацией М. Йоргенсен и Л. Филлипс, проведенный дискурс-анализ может быть отнесен к критическому [9]. Его предметом стали ключевые темы и моменты повествования, сформулированные в ходе исследования: интерпретация процесса перестройки в целом (предпосылки, ключевые фигуры и логика повествования); распад Советского Союза; «портрет» Горбачева и чернобыльских событий; коммунистическая идеология в Советском Союзе, предпосылки сепаратизма. Эти моменты являются «чувствительными» по отношению к идеологическим установкам, что позволяет на их примере рассмотреть различия в оценке периода перестройки и отечественной истории в целом.

Контент-анализ учебников дополняет дискурс-анализ и ориентирован на его результаты. Качественный контент-анализ направлен на исследование определений перестройки и названий разделов учебников, повествующих об этом периоде. Количественный контент-анализ учитывает общее число страниц по перестройке в целом и по различным темам внутри раздела, а также частоты упоминаний по четырем категориям (личности, институты и организации, страны и события), что в дальнейшем может служить для характеристики различий между дискурсами.

Результаты исследования: дискурсы о перестройке в российских учебниках

Характеристике периода перестройки отводится около 18 страниц учебника и в среднем около 4% от общего объема материала. 16 из 22 учебников содержат отдельный параграф или раздел параграфа по данной теме. Таким образом, значимость периода перестройки для российских учебников представляется очевидной.

Таблица 1

Список проанализированных учебников

Тип учебника	Название	Автор(ы)	Издательство	Год	
Учебники по истории России	Рекомендованные школьные учебники	История России. XX век	Н.В. Загладин, С.Т. Минаков, С.И. Козленко, Ю.А. Петров	Москва, Русское слово	2007
		История России. XX – начало XXI века	Н.В. Загладин, С.Т. Минаков, С.И. Козленко, Ю.А. Петров	Москва, Русское слово	2007
		История России. XX – начало XXI века	А.А. Данилов, Л.Г. Косулина, М.Ю. Брандт	Москва, Просвещение	2012
		Россия и мир в XX – начале XXI века	Л.Н. Алексашкина, А.А. Данилов, Л.Г. Косулина	Москва, Просвещение	2010
		История России. XX – начало XXI века	А.А. Левандовский, Ю.А. Щетинов, С.В. Мироненко	Москва, Просвещение	2011
	Допущенные школьные учебники	История России. XX век	А.А. Данилов, Л.Г. Косулина	Москва, Просвещение	1995
		История России. XX – начало XXI века	А.А. Данилов, Л.Г. Косулина, А.В. Пыжиков	Москва, Просвещение	2003
		Россия в XX веке	А.А. Левандовский, Ю.А. Щетинов	Москва, Просвещение	1997
	Федеральные университетские учебники	История России. 1917–2009	А.С. Барсенков, А.И. Вдовин	Москва, Аспект Пресс	2010
		История России. XX век	В.П. Дмитриенко (ред.)	Москва, АСТ	1998
		История России	А.С. Орлов, В.А. Георгиев, Н.Г. Георгиева, Т.А. Сивохина	Москва, Проспект	1997
		История России	В.В. Кириллов	Москва, ИД Юрайт	2011
		История России	Е.В. Лаптева	Москва, Академ. проект	2009
		Отечественная история	В.П. Семин	Москва, Академ. проект, Гаудеамус	2008
	Региональные университетские учебники	История России в вопросах и ответах	С.А. Кислицын	Ростов-на-Дону, Феникс	1997
		История России. XX век	К.Б. Валиуллин, Р.К. Зарипова	Уфа, РИО БашГУ	2002
		История отечества. Часть II (середина XIX – конец XX века)	Т.С. Конюков (ред.)	Уфа, УфГАТУ	1995
		Отечественная история	О.М. Бобылева	Иркутск, ИрГУПС	2010
	Учебники по истории регионов	История Башкортостана (1917–1990 гг.)	Р.З. Янгузин (ред.)	Уфа, БашГУ	1997
		История Татарстана с древнейших времен до наших дней	Д.К. Сабирова, Я.Ш. Шарипов	Москва, КноРус	2009
История Татарстана		Б.Ф. Султанбеков (ред.)	Казань, ТаРИХ	2001	
История Чечни в XIX–XX веках		Я.З. Ахмадов, Э.Х. Хасмагоматов	Москва, Пульс	2005	

Наиболее часто упоминаемой фигурой является Михаил Горбачев. Его имя встречается на страницах учебников 396 раз; вдвое реже речь идет о Борисе Ельцине (всего 167 упоминаний). Среди организаций наибольшее количество раз (391) упоминается Коммунистическая партия Советского Союза. Другие личности и организации отмечаются намного реже. Если говорить о странах, то чаще всего называются СССР (839 раз) и Россия/РСФСР (322 раза).

В ходе исследования в российских учебниках были выделены три дискурса о периоде перестройки. Наиболее распространенным дис-

курсом, характерным для всех учебников по истории России, а также по истории Башкортостана, является дискурс «*принцип домино*». Понятие «*принцип домино*» обозначает цепную реакцию, вызванную небольшим изменением, и обычно относится к череде последовательных, связанных между собой событий, происходящих в относительно короткий период времени. В данном дискурсе перестройка рассматривается по аналогии с падением поставленных в ряд костяшек домино: как период, начавшийся с частичных реформ, которые привели к неожиданным последствиям и в итоге к распаду СССР

(при этом, однако, допускаются разные оценки неизбежности этого процесса). Изучение этого процесса происходит на уровне СССР в целом, выделяются ключевые политические фигуры и основные действующие лица, среди которых главными являются Михаил Горбачев и КПСС. Дискурс характеризует два вида сепаратизма, связанные с недовольством политикой центральных властей: этнический сепаратизм «национальных республик» и русский/российский «квази-сепаратизм», связанный с радикальными демократическими реформами.

Два другие дискурса характерны для учебников по истории Чечни и Татарстана. Применительно к дискурсу «Истории Чечни» предлагается использовать авторский термин «*феодалный макиавеллизм*». Понятие «макиавеллизм» объясняет этнополитическую борьбу элит на региональном уровне, в которой перестройка сыграла роль «спускового крючка». Определение «феодалный» возникает из представления Чечено-Ингушетии, входящей в состав СССР, по аналогии с «удельным княжеством», которому выпала возможность получить большую автономию от ослабшего сюзерена, то есть Советского Союза. События локализуются, главным образом, на уровне ЧИАССР, а движение по отделению представлено в этнорегиональных терминах.

Учебники по истории Татарстана характеризуются дискурсом «*национального пробуждения*». Оценка начала периода перестройки совпадает с той, что дается в дискурсе «принципа домино», но далее акцент смещается с общего повествования о перестройке и Советском Союзе на собственно Татарстан, на процессы национального пробуждения и движения по отделению. Сепаратизм здесь представлен как демократическое движение, подчеркивается мысль о гражданской нации и государственности Татарстана.

Таким образом, один из четырех критериев выбора учебников – регион, в котором издан учебник, – является определяющим для репрезентации периода перестройки. Среди многообразия региональной литературы выделяются учебники по истории Чечни и Татарстана, так что следует говорить не об исследовании российских учебников истории в целом, а о сравнении трех отдельных кейсов – трех дискурсов, соответствующих «общероссийским», чеченским и татарским учебникам.

Обсуждение результатов исследования

Проведенное исследование можно рассматривать как реализацию качественной (ориенти-

рованной на кейсы) стратегии сравнения. Промежуточные результаты исследования – выделение трех дискурсов – побуждают к тому, чтобы перейти от общей постановки вопроса («чем характеризуется повествование о перестройке в российских учебниках?») к решению более узкой исследовательской проблемы объяснения отличительных особенностей учебников Чечни и Татарстана. Центральным становится исследование процессов формирования наций (nation-building) на постсоветском пространстве на материале репрезентации периода перестройки в российских учебниках истории.

В качественной стратегии сравнения формулировка итоговых обобщений – более сложная задача, чем в количественной. Качественная стратегия предполагает описание уникальных кейсов в их сложности и целостности, в то время как количественная стратегия рассматривает только те аспекты сравниваемых объектов, которые связаны с исходной гипотезой. Именно поэтому многие особенности повествования о перестройке в выделенных дискурсах являются уникальными и не подлежат сравнению. Тем не менее исследовательский вопрос о формировании наций на постсоветском пространстве позволяет сделать некоторые обобщения.

Дискурс «принцип домино» характеризуется тем, что повествование неизменно идет на уровне Советского Союза в целом, тогда как в учебниках по истории Чечни или Татарстана события характеризуются в том числе на региональном уровне. Сравнение позволяет видеть, что учебники по истории России могли бы описывать события на уровне РСФСР или «переключатся» с Советского Союза на Российскую Федеративную Республику. Однако в учебниках этого дискурса речь идет исключительно об истории СССР, что создает представление о Советском Союзе (не РСФСР) как предшественнике современной России.

Возникает вопрос: каков статус России (РСФСР) в данных учебниках? Следует отметить, что, когда речь идет о межэтнической напряженности, дискурс «принцип домино» представляет описание ситуации в национальных республиках и соответствующего «ответа» России. А «квази-сепаратистские» радикальные демократические и рыночные реформы, инициированные в РСФСР, характеризуются как направленные на Советский Союз в целом, не только на Россию. Можно видеть, что учебники в рамках данного дискурса игнорируют РСФСР как действующее лицо: они повествуют о событиях в категориях наднационального центра и национальных (этнических) образований (союз-

ных и автономных республик). РСФСР, как подчиненная центру наряду с национальными республиками, представлена как «остальной» Советский Союз (хотя, например, с точки зрения Чечни, Россия отождествляется с центром). Такая конфигурация действующих лиц подразумевает «овеществление» центра, периферии и конкретных национальных образований с неясным статусом России (РСФСР) как таковой.

Одно из возможных объяснений данной конфигурации состоит в указании на сходство в политической структуре РФ и СССР. Очевидна аналогия между Советским Союзом – «национальными республиками» – РСФСР и Российской Федерацией – «национальными регионами» – «остальной» Россией. В данном контексте история воспринимается как непрерывная, от Советского Союза к России. Можно сделать вывод о том, что предпосылки структуры РФ и современной российской идентичности складывались в ходе формирования советской нации и институционализации наций на субгосударственных уровнях (союзные республики, автономные республики и т.д.) [10; 11]. В советский период, ввиду потенциальной опасности РСФСР как сильного «альтернативного центра», с одной стороны, и объединяющей роли русской культуры и русского языка, с другой стороны, русская этничность не прошла этот процесс (например, отсутствовала региональная коммунистическая партия РСФСР как место формирования национальной элиты). В итоге русские стали ассоциировать себя (и ассоциироваться другими) с Советским Союзом в целом.

В рамках двух других дискурсов национальная идентичность также определяется на основании специфического регионального контекста. Например, полиэтничный Татарстан является единственным субъектом РФ, подписавшим с Центром договор о предоставлении более широкой автономии. Соответственно, в учебниках по истории Татарстана представлен своего рода «гражданский национализм»: с одной стороны, республика представлена как полуавтономное образование, с другой стороны, учебники настаивают на единстве всех граждан Татарстана, не только этнических татар, что напоминает принцип матрешки, «государство в государстве». В случае с моноэтнической Чечней характеристика региона связана не с государственным образованием, а скорее с «феодальными» отношениями и внутренними конфликтами. Вероятно, это обусловлено недостаточным осознанием себя как единой нации (в этническом или гражданском смысле), когда отношения между самими чеченцами важнее отно-

шений с другими этносами. Особенности этих дискурсов также укоренены в советском прошлом: в существовании автономных республик и в процессах формирования наций, завершенных (в Татарстане) и незавершенных (в Чечне).

Таким образом, анализ репрезентации периода перестройки раскрывает логику и стратегии формирования наций на постсоветском пространстве. Речь идет о самоопределении через преэминентность (Россия) или отделение (Чечня, частично Татарстан) от СССР. Это можно представить в виде треугольника «СССР – национальное образование – Россия», в котором каждая пара составляющих связана между собой особыми отношениями, от характеристики которых и зависит, в конечном счете, логика дискурса (в случае дискурса «принцип домино» Россия разделяется на Россию-как-этничность («русские») и Россию-как-гражданство («россияне»). Данная схема может быть дополнена и другими элементами, существенными для конкретного региона в роли предшественника, аналога или антагониста (например, Золотая Орда как предшественник Татарстана). Но в любом случае в центре внимания остаются два основополагающих вопроса: о статусе национального образования, об истории которого идет повествование, и о взаимосвязи между этим кейсом, СССР и Россией.

Заключение: специфика исследования в качественной стратегии сравнения

Как показывают результаты настоящего исследования, преимущество качественной стратегии сравнения состоит в «гибкости» в формулировке исследовательского вопроса и в определении границ изучаемых кейсов в соответствии с их спецификой. Так, наш анализ начинается с «чистого» описания в рамках одного кейса – России, затем выявляются различия, требующие уточнения проблемы исследования, выделения трех отдельных кейсов и формулировки выводов для этих кейсов по поставленной проблеме (в данном случае – влияние советских и постсоветских процессов формирования наций на репрезентацию перестройки в российских учебниках истории).

Однако изучение конкретных кейсов не способно выявить «типичного случая» формирования наций на постсоветском пространстве. Сложно установить, распространен ли дискурс «принципа домино» столь же широко в других постсоветских странах, – как сложно оценить степень разнообразия в повествовании о периоде перестройки на постсоветском пространстве. Для этого необходимо расширить сравнитель-

ное исследование и изучить большее число кейсов в рамках количественной стратегии сравнения. Анализ сходного (по социально-историческим условиям) материала в рамках российского дискурса позволяет говорить о многообразии в единстве. Изучение же более отличных друг от друга кейсов может способствовать выявлению единства в многообразии.

Статья подготовлена в рамках проекта «Интернационализация и применение западных образовательных стандартов на постсоветском пространстве: от организации сотрудничества к совместным исследованиям», финансируемого Упсальским университетом. Мы выражаем благодарность всем участникам проекта за плодотворные дискуссии.

Список литературы

1. Ragin C., Zaret D. Theory and Method in Comparative Research: Two Strategies // *Social Forces*. 1983. Vol. 61. № 3. P. 731–754.
2. Goldthorpe J. Current Issues in Comparative Macrosociology: A Debate on Methodological Issues // *Comparative Methodological Research. Methodological Issues in Comparative Science*. 1997. Vol. 16. P. 1–26.
3. Goldthorpe J. Current Issues in Comparative Macrosociology: A Response to the Commentaries // *Comparative Methodological Research. Methodological Issues in Comparative Science*. 1997. Vol. 16. P. 121–132.
4. Lieberson S. Small N's and Big Conclusions: An Examination of the Reasoning in Comparative Studies Based on a Small Number of Cases // *Social Forces*. 1991. Vol. 70. № 2. P. 307–320.
5. Ragin C. Turning the Tables: How Case-Oriented Research Challenges Variable-Oriented Research // *Comparative Methodological Research. Methodological Issues in Comparative Science*. 1997. Vol. 16. P. 27–42.
6. Goldstone J. Methodological Issues in Comparative Macrosociology // *Comparative Methodological Research. Methodological Issues in Comparative Science*. 1997. Vol. 16. P. 107–120.
7. Ragin C. The Comparative Method: Moving beyond Qualitative and Quantitative Strategies. The Regents of the University of California, 1987. 185 p.
8. Резаев А.В., Трегубова Н.Д. Сравнительный анализ в социологии: уровни применения и концептуальные проблемы // *Журн. социологии и социальной антропологии*. 2012. Т. 63. № 4. С. 44–62.
9. Jorgensen M., Phillips L.J. Discourse Analysis as Theory and Method. Sage Publications, 2002. 229 p.
10. A State of Nations. Empire and Nation-making in the Age of Lenin and Stalin. Oxford University Press, 2001. 320 p.
11. Martin T. The Affirmative Action Empire. Cornell University Press, 2001. 528 p.

COMPARATIVE ADVANTAGES AND LIMITATIONS OF QUALITATIVE STRATEGY OF COMPARISON: A CASE STUDY OF THE PERESTROIKA PERIOD'S REPRESENTATION IN RUSSIAN TEXTBOOKS ON HISTORY

N.D. Tregubova, A.I. Gorylev, S.V. Kurbatov

The paper gives the results of a comparative study of the perestroika period representation in Russian textbooks on history. Three discourses on the perestroika are distinguished. Research design and research results are discussed in the framework of distinction between qualitative and quantitative strategies of comparison. The basic advantages and limitations of qualitative strategy are illustrated by the research materials.

Keywords: comparative sociology, comparative study, case-oriented (qualitative) strategy of comparison, textbook research, post-Soviet nation-building, “domino principle”, “feudal Machiavelism”, perestroika.

References

1. Ragin C., Zaret D. Theory and Method in Comparative Research: Two Strategies // *Social Forces*. 1983. Vol. 61. № 3. P. 731–754.
2. Goldthorpe J. Current Issues in Comparative Macrosociology: A Debate on Methodological Issues // *Comparative Methodological Research. Methodological Issues in Comparative Science*. 1997. Vol. 16. P. 1–26.
3. Goldthorpe J. Current Issues in Comparative Macrosociology: A Response to the Commentaries // *Comparative Methodological Research. Methodological Issues in Comparative Science*. 1997. Vol. 16. P. 121–132.
4. Lieberson S. Small N's and Big Conclusions: An Examination of the Reasoning in Comparative Studies Based on a Small Number of Cases // *Social Forces*. 1991. Vol. 70. № 2. P. 307–320.
5. Ragin C. Turning the Tables: How Case-Oriented Research Challenges Variable-Oriented Research // *Comparative Methodological Research. Methodological Issues in Comparative Science*. 1997. Vol. 16. P. 27–42.
6. Goldstone J. Methodological Issues in Comparative Macrosociology // *Comparative Methodological Research. Methodological Issues in Comparative Science*. 1997. Vol. 16. P. 107–120.
7. Ragin C. The Comparative Method: Moving beyond Qualitative and Quantitative Strategies. The Regents of the University of California, 1987. 185 p.
8. Rezaev A.V., Tregubova N.D. Sravnitel'nyj analiz v sociologii: urovni primeneniya i konceptual'nye problemy // *Zhurn. sociologii i social'noj antropologii*. 2012. Т. 63. № 4. С. 44–62.
9. Jorgensen M., Phillips L.J. Discourse Analysis as Theory and Method. Sage Publications, 2002. 229 p.
10. A State of Nations. Empire and Nation-making in the Age of Lenin and Stalin. Oxford University Press, 2001. 320 p.
11. Martin T. The Affirmative Action Empire. Cornell University Press, 2001. 528 p.